

украшением, все — необходимый иероглиф» [17, с. 193]. Содержание произведения для романтиков не возникает вне формы или до нее: «То, что еще не сочинено, еще по-настоящему не известно; только в сочинении внутреннее знание выходит из бессознательного и предстает перед нами» [20, с. 498]. Поскольку «гений действует отчасти бессознательно» [14, с. 23], содержание поэтического произведения не существует до его появления как текста и не может быть создано иными (непоэтическими) средствами, «поэзия высказывает то, что еще не было высказано; в этом ее высокое назначение» [21, с. 74]. С тем чтобы исключить в своей поэтике распад поэтического произведения на содержание и форму, сохранить его целостность, А. В. Шлегель и предложил начать рассмотрение с языка.

А. В. Шлегель предупреждал, что намеченную им последовательность не следует понимать буквально, что начинать толкование поэтического произведения прямо с «пословного разбора» (Wortklärung) — «бесплодное и жалкое занятие» [14, с. 227]. В разборе поэтического произведения «никогда не следует пытаться слепить прекрасное целое из якобы прекрасных частей, напротив, сначала необходимо абсолютно установить целое, а затем выводить из него частности» [14, с. 251], «понятие поэзии не может быть показано на малых частях или отрывках» [21, с. 27]. Поэтика должна идти «синтетическим путем»: объяснять поэтические жанры из законов поэзии в целом, а отдельные поэтические произведения и их элементы — из закономерностей жанров [14, с. 229]. А. В. Шлегель предложил «генетическое» объяснение поэзии, которое позволяет увидеть, что употребление средств, рассматриваемых обычно как украшения, «происходит из внутренней сущности поэзии» [14, с. 232].

Генетическое объяснение предполагает реконструкцию исторического процесса возникновения поэзии. Сначала возникает поэтическая стихия — язык. Затем поэтическая речь выделяется из этой стихии с помощью «внешнего закона формы, а именно ритма» [14, с. 231]. И наконец, «в начальные эпохи развития культуры в языке и из языка рождается, с такой же необходимостью и так же неумышленно, как он, поэтическое видение мира... Это мифология» [14, с. 226]. Таков путь «природной» поэзии, еще не осознаваемой как искусство. С появлением жанров начинается поэзия «искусственная» — сознательное художественное творчество.

Первобытный язык был первым порождением творческих сил человека, это было «преобразующее выражение, одновременно естественное и все же несущее на себе отпечаток человеческой свободы» [14, с. 240]. Неразделенность восприятия, близость первобытного человека к природе позволяли создать язык, в котором звучание состояло «в существенной связи с означаемым» [14, с. 239]. Образность, символика были естественными средствами первобытного языка. А. В. Шлегель, как и другие романтики, был уверен, что первобытный язык благодаря своей поэтичности обладал значительными познавательными и выразительными возможностями, хотя и был чрезвычайно прост.

По мере развития культуры язык теряет поэтичность, «рассудок завладевает знаками, которые создало воображение» [14, с. 242—243]. Рассудок «совершенно оставляет без внимания сходство знака с означаемым, как в том, что касается свойств звука, так и образности слов с переносным значением» [14, с. 243]. Из языка «исчезает изображение, т. е. связь знака с означаемым, и язык становится не более как собранием логических значков, годных для того, чтобы выполнять расчеты рассудка» [14, с. 83]. Возможности языка при этом резко сужаются. Дав подобную картину эволюции языка, А. В. Шлегель, как и другие теоретики раннего романтизма, предложил тем самым интересное решение многовекового спора о том, является ли связь значения и звука в языке естественной или произвольной. Проблема оказалась опрокинутой в плоскость истории: язык изначально связан с действительностью непосредственно, затем он становится конвенциональным, а его знаки чисто условными. Центр тя-